

УДК 141. 22(3)(091)

ПЕССИМИЗМ В ДРЕВНЕМ МИРЕ

В. Б. Колмаков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 января 2012 г.

Аннотация: *рассматривается проблема ценности жизни в Древнем мире. Автор прослеживает связь между отсутствием веры в бессмертие души и фатализмом, порождавшими нравственный упадок, и глубоким пессимизмом, отрицавшим ценность жизни.*

Ключевые слова: *пессимизм, фатализм, бессмертие души, ценность жизни, Древний мир.*

Abstract: *the article deals with the problem of the value of life in the ancient world. The author tracks the connection between the absence of belief in immortality of the soul and fatalism which gave rise to the moral decline, and deep pessimism which denied every value of life.*

Key words: *pessimism, fatalism, immortality of the soul, value of life, ancient world.*

Неоспоримо, что вся людская нравственность зависит от решения вопроса, бессмертна душа или нет. Меж тем философы, рассуждая о нравственности, отмечают этот вопрос: они спорят лишь о том, как лучше провести отпущенный им час.

Блез Паскаль

Почему возник пессимизм? Где искать истоки мрачного взгляда на человеческую жизнь? Оптимизм и пессимизм – две позиции, противоположно трактующие ценность жизни, возникли достаточно давно. Первоначально они сформировались на обыденном уровне в культуре древнего Ближнего Востока и лишь в умозрительных исканиях древних греков были осмыслены концептуально. В древности вплоть до эпохи Просвещения эти понятия были неизвестны, невзирая на то, что соответствующие им чувства и учения существовали. Понятие «пессимизм» было новообразованием, появившимся в 1759 г., как раз в тот год, когда в свет вышло сочинение Ф. Вольтера «Кандид, или оптимизм». Этот факт не только дает повод задуматься над историческими парадоксами, но и указывает на глубокую связь этих универсалий культуры.

Первое время после возникновения понятие «пессимизм» употреблялось в ироническом смысле – им обозначали расположение духа, склонного видеть вещи с плохой стороны, и в этом значении его часто применяли в политических дебатах в предреволюционной Франции. Как правило, его использовали радикалы как политическое клише в крити-

ке умеренных. К пессимистам относили тех, кто склонен видеть вещи в черном свете [1, с. 386–387]. Это словоупотребление сохранилось вплоть до наших дней, акцентируя психологическую причину пессимизма. Исследователь печального сознания Э. М. Каро писал: «По своей природе ни одна идея не способна так легко превратиться в чувства, как пессимизм» [2, с. 269].

В дальнейшем присущая XVIII в. ирония исчезла, и понятие «пессимизм» обрело свое привычное содержание, обозначив учение, согласно которому мир рассматривается как худший из возможных миров, потому что наличие страданий и конечности земной жизни придает ей отрицательную ценность. С точки зрения пессимизма мир обладает скорее отрицательной, чем положительной ценностью. Парадокс, но в пессимизме имеется оптимистическая надежда на уничтожение страданий либо через аскетизм, либо через переход в небытие, либо через исчезновение мира – этой юдоли печали.

Общепринятой является позиция, согласно которой в мировоззрении древних обществ господствовал пессимизм как негативная оценка жизни. Фундаментальный немецкий «Исторический словарь философии» свидетельствует: «Безнадежность и отчаяние отчетливо слышны из ассирийских, вавилонских и египетских источников» [1, с. 390].

Общие, так сказать фоновые, причины пессимизма хорошо известны. Их создавала сама жизнь, полная страданий, непредсказуемая, непонятная и потому страшная. Зыбкое, зависящее от массы случайностей существование формировало пессимизм, охватывавший не только низы, но и образованные верхи древних обществ. В силу традиционности жизни безысходность и неумолимость бытия воспринимались скорее всего как нормальное состояние дел. Однако у человека всегда имелась надежда на избавление от страданий жизни, выражавшаяся в мечтах о лучшей доле если не в земной жизни, то в небесной. Почему же в древности такая надежда была слабой либо отсутствовала, подталкивая тем самым к безнадежному пессимизму? Что заставляло древнего человека мрачно взирать на свое бытие?

Автор исходит из идеи, согласно которой ценность жизни определяется рядом положений, фиксирующих признание бессмертия души, воскресения мертвых и посмертного воздаяния. Именно совокупность этих идей или отсутствие таковых приводила и приводит человека либо к пессимизму, либо к оптимизму или же разнообразному вееру позиций, лежащих между этими крайностями. Причины пессимизма следует искать в представлениях о загробной жизни и тех нравственных и мировоззренческих выводах, которые следовали из этих представлений. Посмертная участь человека представляет собой многослойный комплекс идей, которые наполнялись различным содержанием в разных культурах, но при этом имели много общего. Смерть всегда являлась мощным источником пессимизма, против нее восстает человеческий разум и не принимает вера, ибо смерть ужасна, потому что она есть разрушение и победа небытия над жизнью. Поэтому признание смерти концом жизни

открывает прямой путь к пессимизму. Едва ли древние люди не задумывались о посмертии или вообще не придавали феномену смерти никакого значения. Уже в глубокой древности возникли первые мысли и догадки о посмертном бытии и загробном мире. Мысль о том, что после смерти наступает полное небытие была явно неприемлема для человека как на уровне чувств, так и на уровне разума. С загробным миром были связаны ранние представления о душе как животворной субстанции, без которой тело в *этом мире* не живет. Возникла схема, согласно которой душа после смерти следует на тот свет, где продолжается земная жизнь, иногда в других формах. Затем посмертное существование стали мыслить как время для воздаяния за земные дела. Наконец на этой основе утверждалась связь жизни, посмертного существования и воздаяния. Этот синтез стал определять ценность земной жизни, равно как и программу поведения человека в *этом мире*.

Идея пессимизма опирается на глубокие онтологические основания. Пессимизм укоренен в бытии, отпавшем от Бога. Отпадение первого человека от Бога было не просто нарушением правил или несоблюдением ритуала. Своим поступком человек заявил о себе как о самостоятельном и выдвинул претензию на жизнь без Бога. В этом заключается суть грехопадения. Господь, обращаясь к Адаму, сказал: «...проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться во все дни жизни твоей» [3, 3, 17]. Это означало, что после грехопадения порча вошла в мир и человека, поэтому для него мир стал местом печали и скорби.

Источником пессимизма стал фатализм как представление о судьбе, определяющей жизненный путь человека вплоть до смерти. Идея судьбы – одна из древнейших фундаментальных идей, на основе которой возникли дальнейшие представления о месте человека в мире. Происхождение идеи судьбы связано с освоением простейших причинно-следственных связей, что привело уже архаического человека к мысли, что все явления обусловлены причинно и что причинность, объединяющая людей и мир в единое целое, необходима, потому что без нее, как без основы, мир распадется и обратится в хаос. Судьба мыслилась как посторонняя сила, предопределяющая все мысли и действия человека. Потенциально эта идея приводила к пессимизму, потому что от судьбы уйти невозможно. В целом же судьба воспринималась как универсальное космическое начало, как мировая необходимость и даже мировая справедливость [4, т. 2, с. 472].

Египтяне были, наверное, самым древним народом, у которого возникли идеи, связанные с негативной оценкой жизни. Мировоззрение древних египтян было охвачено пессимизмом, нашедшим яркое выражение в так называемом «Споре разочарованного со своей душой», который относится к XXIII–XXII вв. до н.э. В нем явственно слышится голос человека, уставшего от жизни. Он горько сетует на то, что ему даже некому открыться, чтобы поговорить о наболевшем. Итог его lamentаций неутешителен: «Зло наводнило землю, // Нет ему ни конца, ни края» [5, с. 99]. В третьей жалобе смерть рассматривается как наилучший выход

из жизни, потерявшей всякую ценность: «Мне смерть представляется ныне // Домом родным // После долгих лет заточенья» [5, с. 100].

Характерной иллюстрацией подобных настроений является знаменитая «Песня арфиста», созданная в XXI в. до н.э. Неизвестный автор сетовал на бренность бытия, предлагая забыть в наслаждениях: «Следуй желаньям и себе на благо» [5, с. 101]. Логика «Песни арфиста» заключается в следующем. Если мы не имеем ясного представления о загробной жизни или она недоступна для многих, то единственное, что остается человеку – его земная жизнь с ее горестями и радостями. Что касается горестей, то они однозначно ведут к пессимизму, что касается радостей, то наслаждения дают призрачные плоды и в дальнейшем непременно погружают человека в глубокий пессимизм. Поэтому даже наполненная уладами жизнь не радовала египтян. Люди, пресытившиеся наслаждениями, невольно погружались в тоску – короткая жизнь, даже полная земных радостей, ни к чему иному привести не могла.

Пессимизмом было проникнуто знаменитое «Речение Ипусера», которое относится к началу XVIII в. до н.э. Его автор страстно говорил о тотальном упадке общества и о смуте, охватившей Египет. Слова Ипусера стали классическим описанием бедствий гражданской войны и разрушения привычного порядка вещей. Он писал, «скорбя о том, что свершается в стране» [6, I, VI]. Во времена нестабильные ценность жизни резко падала, что не могло не рождать пессимизма и скорби. Эпоха смуты, о которой так живо повествовал Ипусер, была тяжелым испытанием для египтянина, «возводившего весь мировой порядок к богам и ожидавшего бессмертия за гробом» [7, с. 71]. Пессимизм в Древнем Египте подпитывался идеей подчиненности судьбе, определенной богами. Так, в сказке [Обреченный царевич] главный герой говорит своему отцу: «Все равно я обречен своей судьбе. Пусть же позволят мне поступить по влечению моего сердца, пока бог не поступит по воле своей» [5, с. 63]. Предопределенность не могла не порождать пессимизм, хотя полного подчинения человека судьбе в Древнем Египте, кажется, не существовало. Всегда имелась потенциальная возможность, умолив богов, повлиять на судьбу и хотя бы немного изменить ее [8, с. 194]. Фатализм, судя по тому, что известно, не обладал значительным влиянием в древнеегипетской культуре. Он скорее был дополнением и имел маргинальный характер, потому что основную роль в выработке пессимизма в Древнем Египте играли представления о загробном существовании.

Во что верили древние египтяне? На чем базировалась их нравственная программа? В Древнем Египте существовало свое представление о загробной жизни, согласно которому души умерших странствуют по подземному царству, где над ними вершится суд¹ [4, т. 1, с. 421]. Египтяне,

¹ То, что мы сейчас называем душой, в понимании древних египтян отсутствовало. Здесь позволительно напомнить, что современное понятие души мало соответствует древнеегипетскому термину, включавшему целый ряд смыслов. Согласно поверьям египтян, у человека имелась индивидуальная субстанция, или абстрактная сущность, которая могла вести относительно самостоятель-

как и многие народы древности, проступками считали нарушение ритуала жизни, порядка, восходящего к мировой справедливости. Такие преступления карались наиболее жестоко. Проступки морального порядка в течение долгого времени не считались греховными, и наказания за них были невелики. В целом единой позиции в вопросе о загробном мире, свойственной всей древнеегипетской культуре, не существовало. Специалисты почти единогласно отмечают, что в умах египтян царила некоторая путаница в деталях по поводу загробной жизни. Ее видели как продолжение земной почти с теми же условиями. При этом «умерший рассматривался как погруженный в глубокий сон, он продолжал жить, нуждаясь в пище и домашней утвари» [10, с. 135–136; 11, с. 265; 306; 12, с. 159]. Поэтому покойного старались снабдить всем, что ему принадлежало при земной жизни. Но идея вечной жизни «охватывала» далеко не всех, а только тех, кто «располагал средствами для ее обеспечения» [13, с. 50].

Несмотря на то, что первые тексты, в которых упоминается загробный суд, относятся к XXIV в. до н.э. [11, с. 320], идея воздаяния оформилась в Древнем Египте не сразу. На протяжении многих веков она была смутной и неглубокой. Исследователь древнеегипетской цивилизации отмечает, что представление о том, что «злодеяния повлекут за собой кару в потустороннем мире, засвидетельствовано лишь в последние века до нашей эры» [13, с. 54]. Один из крупнейших специалистов по истории Древнего Египта академик Б. А. Тураев писал, что «в эпоху Среднего Царства идея суда и ответственности за гробом была неизвестна...» [7, с. 145]. Поэтому выход был один – жить в свое удовольствие. В дальнейшем в древнеегипетской идее загробной жизни произошло совмещение двух идей: загробной жизни как продолжения земной (или подобной земной) и идеи воздаяния за земные дела. Наиболее полно этот синтез нашел воплощение в гл. 125 «Книги мертвых», зафиксировавшей набор необходимых деяний (и недеяний), которые позволят умершему обрести лучшую долю. «Книга мертвых» относится ко времени XVIII династии, т.е. к XV в. до н.э. Из нее со всей очевидностью следует, что наказание могло быть назначено не только за нарушение ритуалов, но и за нравственные проступки. Во всяком случае нарушение ритуальных обязательств египтяне стали связывать моральными нормами, что означало несомненный сдвиг в развитии нравственности [11, с. 321]. В то же время никем не опровергнута точка зрения, согласно которой «Книга мертвых» была «просто талисманом против загробного осуждения» [7, с. 147]. Эта глава освобождала от всех грехов, таким образом уничтожались «высокие приобретения нравственного порядка» [там же].

ное существование. Ее называли *ка*. Именно *ка* должна была вести загробную жизнь. Другая субстанция (*ба*) покидала тело человека после смерти и могла жить среди богов, если человек являлся праведником. Кроме того, имелась тень, которая могла перемещаться по своей воле, а также дух, обитавший на небесах, своего рода эфирная оболочка. Наконец, имелось имя человека и выделялся *сехем* – аналог силы и формы, связанный с телом [9, с. 53–57; 10, с. 137].

После 2300 г. до н.э. в Древнем Египте утвердилась идея, согласно которой Осирис стал судьей в загробном мире. Человек, двигавшийся в направлении добра, мог рассчитывать на праведный суд, а тех, кто не мог оправдаться, пожирало страшное вооруженное чудовище. Соответственно участи судимых преисподняя разделялась на светлое и счастливое пространство для праведников и нечто напоминающее ад для грешников. Несмотря на то, что загробное существование египтяне рисовали темными красками, идея загробного воздаяния, по мнению А. Меня, была «величайшим религиозным откровением, которое обрел египетский народ» [14, с. 77]. Однако в духовной жизни египтян преобладал пессимизм, к которому толкала неумолимая судьба, определявшая жизненный путь. Идея суда и воздаяния давала слишком зыбкую надежду, в результате человек жил в противоречии между стремлениями к наслаждениям и страхом неизбежной смерти. В Египте зародилась идея воздаяния, но она не имела жесткой привязки к нравственным нормам, к чему добавлялось отсутствие нравственных идеалов. В итоге подобная ситуация открывала путь к гедонизму одним и путь к страданиям другим, что всех вместе вело к пессимизму и негативной оценке жизни.

Наиболее ярко пессимизм был манифестирован в памятниках письменности Междуречья. В шумеро-аккадской культуре в отличие от египетской не имелось даже намека на веру в бессмертие, почему и возникало обостренное чувство безнадежности и бесплодности человеческих устремлений. «Мысль о тщете всех человеческих дел, – пишет А. Мень, – никогда не оставляла философов и поэтов Сеннаара (Шумера. – В. К.)» [14, т. 2, с. 95]. Пессимизм в мировоззрении жителей Междуречья был результатом того, что шумеры не сумели примириться ни с жизнью, ни со смертью. Видимо, поэтому пессимизм, зафиксированный памятниками Шумера и Аккада, является более глубоким по сравнению с древнеегипетским. Достаточно вспомнить, как представляли себе шумеро-аккадские мифы подземное царство, служившее местом пребывания умерших. Подземный мир, куда перемещались почившие, был полон тьмы, а участь мертвых тяжела. Сведений о суде богов до нас не дошло, возможно, его вообще не существовало. Сносной жизни в подземном мире (в виде чистой питьевой воды и покоя) удостаивались не все – только погребенные, а также павшие в бою и многодетные. Наличие мрачного и страшного загробного мира влекло неизбежно стремление еще при жизни успеть компенсировать страдания посмертного существования. Поэтому в основе ценностной шкалы шумеров лежал принцип активного удовольствия, и целью жизни в личностном плане считалось получение наслаждений. Понятно, почему особыми инструментальными ценностями являлись долголетие и здоровье, позволявшие наслаждаться тем, кто имел такую возможность [15, с. 148, 151].

Осознание бренности и конечности жизни человека обесценивало всю радость посюстороннего бытия и было очевидным источником пессимизма. Не случайно, что в эпосе о Гильгамеше (конец II тыс. до н.э.) акцентируется тщетность любых деяний человека: «Только боги с Солнцем

пребудут вечно, // А человек – сочтены его годы, // Чтоб он ни делал – всё ветер!» [5, с. 176]. Мысль о ничтожности человеческих дел пронизывает знаменитую «Беседу господина и раба», созданную на столетие позже знаменитого эпоса о Гильгамеше. В этом крайне пессимистическом сочинении все главки начинаются одним словом: тщетность. Тщетны и бесполезны надежды практически на всё – на милость царя, на радость пиршества, на вольную жизнь в степи, на восстание, на любовь женщины, на помощь Бога, на долгую жизнь и посмертное воздаяние. Человек, как следует из диалога, зол и порочен, люди неблагодарны и в этом подобны миру. Поэтому весь спектр возможных поступков, которые рассматриваются в диалоге, есть иллюзия, фикция, потому что человек ни на что не может даже надеяться [16, с. 277–279].

Пессимизм, рожденный на лессовых берегах Тигра и Евфрата, был обусловлен преобладавшей в мировоззрении шумеров идеей судьбы. Вся жизнь понималась как ее свершение. В мировоззрении людей, живших в Междуречье во II – середине I тыс. до н.э., господствовал фатализм, они верили в предопределение как высшую и неотвратимую силу, хотя у них не было еще представления о единой судьбе, управляющей космосом. Судьбу понимали не как безличностную силу, а как осуществление повеления личного бога [8, с. 188]. Следует заметить, что фатализм в Междуречье носил универсальный характер. Боги, как и люди, подчинялись судьбе, о чем убедительно повествует шумерская песнь «С великих небес к великим недрам», в которой богиня Инанна сошла в преисподнюю и была умерщвлена богами, которые вершили судьбы [5, с. 147–149]. Каждая вещь и каждый человек имели свою судьбу. Частные судьбы определялись богами, а сами судьбы были записаны в таинственной Книге Судеб [15, с. 32–39]. Каждый человек имел своего бога-покровителя, который определял его судьбу при рождении [17, с. 243]. Авторитетный австрийский исследователь Междуречья отмечает, что у жителей долины Тигра и Евфрата бытовала идея, согласно которой «каждому человеку предназначается (очевидно, при рождении, хотя это нигде прямо не сказано) индивидуальная доля счастья и несчастья» [18, 160]. Она-то и определяла направление и характер жизни. И. С. Ключков считает, что личностный аспект связи бога и человека защищал от предельного фатализма, и поэтому при определенных обстоятельствах судьба могла измениться к лучшему. Личное решение бога предполагало возможность его пересмотра, что делало фатализм не полным. Но даже при небольшой возможности влияния на судьбу не исключалась общая линия на предопределение жизни, что не могло не погружать в безнадежный пессимизм.

Метафизический смысл бытия, столь хорошо знакомый европейскому человеку, в Древней Месопотамии полностью отсутствовал. Ограничение жизни рамками наличного бытия вызывало у многих людей мысли, что жизнь их просто бесполезна [19, с. 232]. Она заперта в узкие рамки бытового существования и продолжения не имеет. Так как большинство людей вело тяжелую, полную лишений жизнь, то и отношение к ней вы-

рабатывалось самое пессимистическое – надежду взять было неоткуда, как не было надежды на лучшую долю по ту сторону могилы.

Пессимизм в оценке жизни был характерен и для Ветхого Завета. По сравнению с воззрениями древних египтян и жителей Междуречья на мир и жизнь человека ветхозаветный пессимизм обладал своей спецификой. Несмотря на то, что на древнем Ближнем Востоке возникла идея трансцендентного Бога-творца и линейное понимание истории как процесса, имеющего начало и конец, Ветхий Завет переполнен пессимизмом. Он был порожден отсутствием веры в бессмертие души. Это значит, что у древних евреев не существовало индивидуальной эсхатологии, индивидуального спасения. При этом существовало представление, согласно которому душа умершего «ведет одинокую жизнь в подземной области шеоле, который аналогичен шумерскому Куру, вавилонской преисподней и греческому Аиду» [14, т. 2, с. 296]. Представления о загробном мире заставляли древних евреев сосредоточиваться на земной жизни, что неизбежно оборачивалось пессимизмом и глубокими разочарованиями. В признании лишь земного существования кроется фундаментальная причина пронизывавшего Ветхий Завет пессимизма. Некоторые исследователи считают, что пессимистические воззрения о посмертном существовании были заимствованы древними евреями у вавилонян вместе с идеей определенно-го воздаяния за земные дела. В целом это заимствование предопределило пессимистический настрой, если учесть, как именно понимали в Ветхом Завете загробную жизнь. Она представлялась как пребывание в *шеоле*, загробном мире, который иногда уподобляли страшному чудовищу, глотающему мертвых. Преисподняя уподоблялась также широко раскрытой пасти, поглощающей грешников [20, 5, 14; 21, 24, 19]. Заключенные в шеол души испытывают мучения, пребывая во тьме и хаосе. В шеоле существуют тени, подобия людей. П. Страхов писал, что обитатели шеола «влачат печальное, но вполне реальное существование бессильных и полусонных теней...» [22, с. 139]. Это мрачный мир, страна безмолвия, мрака и беспредельной тоски. Иов говорит о шеоле как о стране тьмы и мрака, «каков есть мрак тени смертной, где нет устройства, где темно, как сама тьма» [21, 10, 21–22]. Шеол для древних евреев – тотальный ужас, равный которому вряд ли можно найти в верованиях древних народов. Некоторые специалисты полагают, что древние евреи не усматривали принципиального различия между плотью и духом, что позволяло в течение длительного времени считать загробную жизнь продолжением земной [23, с. 15]. Для древних евреев человек был единством духа и плоти. Поэтому смерть означала разрушение и уничтожение того и другого. Идеи бессмертия души у древних евреев еще не было, как не было представления о вечной жизни. Скорее у них наличествовала идея относительного, частичного бессмертия души, хотя последнее словосочетание трудно не воспринять как оксюморон. Если жизнь человека ограничена кратким земным существованием, то неизбежно у него возникает стремление взять от жизни всё и насладиться, пока имеется возможность. При этом неизбежно возникает вопрос о справедливости, потому что мимолетная, хотя и полная наслаж-

дений, жизнь неизбежно завершается, осознание чего неизбежно погружает человека в глубокий пессимизм, отрицающий ценность жизни.

Пессимизмом, определявшимся уверенностью *только* в земном существовании, проникнута написанная в конце V – начале IV в. до н.э. книга Иова: «Человек, рожденный женою, краткодневен и пресыщен печальями: как цветок, он выходит и опадает; убегает, как тень, и не останавливается» [21, 14, 1]. Не случайно в надежде на вечную жизнь Иов вопрошает: «Когда умрет человек, то будет ли он опять жить?» [21, 14, 14]. Мир в книге Иова полон ужаса, а человек переполнен страхом, неуверенностью, пессимизмом. Иов – это страдающий праведник, который хочет понять, есть ли судьба, а если есть, то в чем ее смысл? Иов видел выход в вере, глубина которой не может не поражать. Но не подкрепленная идеей вечной жизни, она не снимала пессимизма и скорее создавала ситуацию, описанную Ж. П. Сартром как «действие без надежды на успех». Очевидно, что, не имея надежды на вечную жизнь (и ведущей к ней нравственной программы), человек Ветхого Завета все глубже погружался в пессимизм, в переживания, которые теперь вряд ли назовут положительными.

Нарастание пессимистических настроений нашло свое отражение в Екклесиасте, книге, созданной к концу IV в. до н.э.² В его картине мира царил мифологический круговорот и присутствовала идея вечного возвращения: «Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит» [24, 1, 5]. Как справедливо отмечал А. Мень, «это – мироздание, которое созерцает человек, лишенный света Откровения...» [14, т. 6, с. 165]. В этой книге ярко выражена идея покорности судьбе, которая определяет всё. И поэтому все дела человеческие есть суэта и томление духа, которые утверждают ненависть к жизни. Отсюда, кстати, вытекал гедонизм: «Итак, увидел я, что нет ничего лучше, как наслаждаться человеку делами своими: потому что это – доля его» [24, 3, 22]. И поэтому нет нужды интересоваться тем, что будет, потому что оно уже было, как нет нужды интересоваться тем, что есть. Бог в книге Екклесиаста выступает как непонятная сила, определившая судьбы мира и не оставившая выбора человеку. Последний кружится в этом почти языческом мире, не понимая своего назначения, без смысла и цели.

В таком мире ценность жизни невысока, потому что она не имеет смысла и не может его обрести. В этическом плане Екклесиаст был шагом назад, потому что круговорот мира не предполагал устойчивых нравственных идеалов. Отсюда следовал очевидный вывод: «И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем; ибо всё – суэта и томление духа» [24, 2, 17]. Утверждение, что жизнь вообще не обладает положительной ценностью, является ключевым в книге Екклесиаста. Оно неизбежно должно было подвинуть пытливые умы к более глубокой и полной вере, которая давала бы человеку смысл и надежду. Отсюда родилась мысль, что истину и путь, ведущие к вечной жизни, следует искать за пределами земного бытия.

² Слово «Екклесиаст» означает человека, говорящего в собрании, Проповедника.

Весьма слабо в иудаизме была выражена идея загробного воздаяния. Исследовавший этот вопрос И. Р. Тантлевский пишет, что «не только идея загробного воздаяния, но даже само представление о возможности продолжения жизни в потустороннем мире практически отсутствует в еврейской Библии»³ [30, с. 301]. Впервые в Ветхом Завете надежда на спасение из преисподней была высказана в 1-й кн. Царств, составленной за 1 тыс. лет до н.э.: «Господь умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и выводит» [26, 2, 6]. Эта идея повторяется во Второзаконии и книге Товит [27, 32, 39; 28, 13, 2]. Первые упоминания воскресения мертвых можно обнаружить в книге пророка Исаяи, жившего в VIII – начале VII в. до н.э. Называя Исаяю «еврейским Эсхилом», А. Мень пишет, что он «по праву должен быть признан одним из крупнейших писателей Израиля» [14, т. 5, с. 72–73]. Исаяя принадлежал к числу пламенных пророков, которые слышали голос Господа и видели Его, а его слова о пришествии Помазанника прозвучали тогда, когда Иудея была унижена, ослаблена и поставлена в зависимость Ассирией.

В 701 г. до н.э. ассирийская армия оккупировала отложившуюся было Иудею, на которую была наложена непомерная контрибуция. Ситуация резко ухудшилась во время второго похода ассирийцев, которые в 688 г. вторично вторглись в Иудею, но из-за эпидемии были вынуждены отступить от Иерусалима. Именно в этих грозных условиях Исаяя проповедовал грядущее, в котором он прозревал установление мира и гармонии – Царства Божия как иного мира, мира вечного бытия. Это был поразительный прорыв мысли к новым ценностям. Ни у египтян, ни в Междуречье, ни у древних греков подобных идей не было. Пророчество о Царстве Божием было не только преодолением наличной реальности, оно давало надежду на избавление от страданий. Это была в конечном счете идея, утверждавшая новую ценность жизни [29, 2, 2–4; 14, т. 5, с. 92–104]. Установление Царства Божия предполагало суд Бога над людьми, живыми и умершими. И тех, кто отступился от Бога, ждало наказание. Поэтому в книге пророка говорилось о воскресении мертвых: «Оживут мертвецы Твои, восстанут мертвые тела» [29, 26, 19]. По мнению известного русского библеиста А. П. Лопухина, в книге Исаяи речь идет «о последнем суде над миром, о гибели его, о воскресении мертвых и о совершенном спасении, обетованном Израилю» [30, с. 542].

В этих воззрениях еще была трудноразличима идея рая и ада в том виде, как ее понимают в христианстве. Эти идеи лишь намечали возможное соединение индивидуальной и космической эсхатологии. Однако после прозрений Исаяи идея воскресения мертвых и последующего суда над ними на несколько столетий была забыта, и лишь позднее началась повторная кристаллизация [25, с. 283]. Радикальные изменения во взглядах на посмертие произошли в эпоху эллинизма. Суть перемен сводилась к тому, что в конце всех времен тела воскреснут, соединившись с душами,

³ Как пишет И. Р. Тантлевский, «уже в ранних концепциях шеола проявляются элементы представлений (курсив наш. – В. К.) о загробном воздаянии» [25, с. 279].

и каждый получит по заслугам. Эти идеи пришли в мир вместе с книгой пророка Даниила, которая появилась к 164 г. до н.э. Обстоятельства ее появления таковы. В 170 г. до н.э. правитель Сирии Антиох IV Эпифан, возвращаясь из похода в Египет, разграбил Иерусалим, приказав убить 80 тыс. человек, а остальных распорядился продать в рабство. Он не только ограбил Иудею, но и вознамерился уничтожить иудаизм. Начались религиозные гонения. Бедствия, которые обрушились на жителей Иудеи, вызвали сопротивление, черпавшее духовную силу в идее воскресения мертвых, высказанной некогда пророком Исайей. В это время прозвучали страстные слова Даниила, который вслед за Исайей предрекал пришествие Сына Человеческого, который установит «владычество вечное, которое не прейдет, и царство его не разрушится» [31, 7, 14]. Он будет судить людей, и тогда «многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление» [31, 12, 2]. Так, в эпоху Маккавеев в иудаизме была сформулирована устойчивая идея воскресения мертвых и посмертного воздаяния. Это духовное послание обладало столь действенной нравственной силой, что восставшие иудеи во главе с Иудой Маккавеем нанесли поражение войскам Антиоха, освободили Иерусалим и восстановили прежний порядок богослужения в Храме [32, с. 374–375]. Несмотря на этот духовный прорыв, идея вечной жизни не заняла в иудаизме доминирующего положения.

Наконец, в середине I в. до н.э. в книге Премудрости Соломона был изложен взгляд человека, мрачно взиравшего на мир. Неизвестный автор писал, что «жизнь наша – прохождение тени, и нет нам возврата от смерти: ибо положена печать, и никто не возвращается» [33, 2, 5]. Накануне возникновения христианского учения о воздаянии и спасении взгляды древних евреев на посмертие были неустойчивы, как были неустойчивы их взгляды на ценность жизни. Господство пессимизма в Древнем мире показывает очевидную связь между отсутствием веры в бессмертие души и признанием абсолютной ценности земной жизни. И в то же время история пессимизма удивительным образом несет на себе печать современности. В мире постмодерна воспроизводится та же духовная ситуация, когда отсутствие веры в бессмертие души, воздаяние и воскресение погружает человека в безысходный пессимизм, преодоление которого становится одной из актуальных задач современной жизни.

Литература

1. Pessimismus // Historisches Wörterbuch der Philosophie. – Basel, 1990. – Bd 7.
2. Каро Э. М. Пессимизм в XIX веке : Леопарди – Шопенгауэр – Гартман / Э. М. Каро. – М., 1893.
3. Быт.
4. Мифы народов мира. – М., 1997.
5. Поэзия и проза Древнего Востока / под ред. И. И. Брагинского. – М., 1973.
6. Речения Ипусера.
7. Тураев Б. А. Египетская литература / Б. А. Тураев. – СПб., 2000.

8. Горан В. П. Концептуальное содержание и социогенная природа древнемесопотамских и древнеегипетских представлений о судьбе / В. П. Горан // Концептуализация и смысл : сб. науч. трудов. – Новосибирск, 1990.
9. Бадж Э. А. У. Египетская книга Мертвых / Э. А. У. Бадж ; папирус Ани в переводе Э. А. У. Баджа. – М., 2003.
10. Бадж Э. А. У. Египетская религия. Египетская магия / Э. А. У. Бадж. – М., 2006.
11. Коростовцев М. А. Религия Древнего Египта / М. А. Коростовцев. – СПб., 2000.
12. Клемен К. Жизнь мертвых в религиях Востока / К. Клемен. – М., 2002.
13. Антес Р. Мифология в Древнем Египте / Р. Антес // Мифологии Древнего мира. – СПб., 2005.
14. Мень А. История религии : в 7 т. / А. Мень. – М., 1991–1992.
15. Ключков И. С. Духовная культура Вавилонии : человек, судьба, время / И. С. Ключков. – М., 1983.
16. Диалог господина и раба «О смысле жизни» // Хрестоматия по истории Древнего Востока. – М., 1963.
17. Гуляев В. И. Шумер. Вавилон. Ассирия : 5000 лет истории / В. И. Гуляев. – М., 2004.
18. Оппенгейм Л. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации / Л. Оппенгейм. – М., 1990.
19. Саггс Х. Вавилон и Ассирия. Быт, религия, культура / Х. Саггс. – М., 2004.
20. Ис.
21. Иов.
22. Страхов П. Воскресение. I. Идея воскресения в дохристианском религиозно-философском сознании / П. Страхов. – М., 1916.
23. The Oxford Companion to the Bible / ed. B. M. Metzner, M. D. Coogan. – N.Y. ; Oxford, 1993.
24. Еккл.
25. Тантлевский И. Р. История Израиля и Иудеи до разрушения первого Храма / И. Р. Тантлевский. – СПб., 2005.
26. 1 Цар.
27. Втор.
28. Тов.
29. Ис.
30. Лопухин А. П. Толковая Библия : Екклесиаст, Песнь песней, Премудрость, Сирах, пр. Исая / А. П. Лопухин. – СПб., 1908.
31. Дан.
32. Келлер В. Библия как история / В. Келлер. – М., 1998.
33. Прем.

Воронежский государственный университет

Колмаков В. Б., кандидат философских наук, доцент
E-mail: kolmakov@phipsy.usu.ru
Тел.: 8(473) 252-56-63

Voronezh State University

Kolmakov V. B., Candidate of Philosophy, Associate Professor
E-mail: kolmakov@phipsy.usu.ru
Tel.: 8(473) 252-56-63